

Всемирная история

Николай ОСОКИН

АЛЬБИГОЙСКИЕ ВОЙНЫ

1208—1216 гг.

Всемирная история (Вече)

Николай Осокин

Альбигойские войны 1208—1216 гг.

«ВЕЧЕ»

1872

Осокин Н. А.

Альбигойские войны 1208—1216 гг. / Н. А. Осокин — «ВЕЧЕ»,
1872 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8474-2

Книга охватывает период начиная с преддверия Первого крестового похода против альбигойцев в 1209 г. и заканчивая смертью инициатора похода папы Иннокентия III в 1216 г. Детально, со множеством подробностей автор рассматривает драматические и кровавые события войны с еретиками на юге Франции в первой четверти XIII столетия, которые повлияли на весь дальнейший ход европейской истории. Текст печатается по изданию: Н.А. Осокин. История альбигойцев и их времени. Казань, 1869–1872.

ISBN 978-5-4484-8474-2

© Осокин Н. А., 1872

© ВЕЧЕ, 1872

Содержание

Отношение Иннокентия III к альбигойским ересям до 1208 года	6
Легаты и Раймонд VI	9
Убийство Петра де Кастельно	19
Воззвание папы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Осокин

Альбигойские войны 1208–1216 гг

© Осокин Н.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Отношение Иннокентия III к альбигойским ересям до 1208 года

Зная личность нового папы, его энергичный, упорный характер, его прежнюю деятельность, его всесторонние способности, его тщеславные мечты соединить в своем лице высшую духовную и политическую власть всего Запада, нетрудно предположить, какими чувствами к еретикам Лангедока был одушевлен Жиованни-Лотарь Конти в ту минуту, когда надевал на себя тиару Григория VII.

Опасность для католицизма была велика, но Иннокентий III казался выше этих опасностей. Впервые облаченный в епископские одежды, среди конклава кардиналов и всего римского духовенства, с высоты кафедры, он первой же проповедью возвестил миру те начала, которых будет держаться:

«Царь царей, Владыка владык, имя которому Господь, в полноте могущества своего установил превосходство апостольского престола, дабы никто не дерзал сопротивляться порядку, им предначертанному, – говорил Иннокентий. – А так как он сам положил основу этой Церкви и так как он сам – ее основа, то никогда врата ада не сокрушат ее, и корабль Петров, в котором почивает Христос, никогда не погибнет, как бы ни пытались сокрушить его бури. Да не печалится престол апостольский перед теми бедами, которые грозят ему, да утешится он Божественным Промыслом, повторяя вместе с Пророком: “В скорби распространил мя еси”, – да утвердится в нем упование на завет Спасителя, данный им апостолам: “и се я, с вами до скончания века”». А если Бог с нами, то кто против нас? А так как папская власть исходит не от человека, а от Бога, или лучше от Богочеловека, то напрасно еретик и отступник, напрасно волк-похититель старается опустошить виноградник, разрывает розы, опрокидывает кадилники, гасит светильники. Так сказал некогда Гамалиил: если это творение рук человеческих, оно погибнет, если же Церковь от истинного Бога, вы не можете ее разрушить, и только поднимете войну против Бога. Господь – упование мое, и я не боюсь ничего, что люди против меня могут сделать. «Я – тот раб верный и благоразумный, которого Он поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу вовремя». Да, я раб, раб рабов, но да не пребуду я из тех, о которых говорит Писание: “Всякий, делающий грех, есть раб греха”. Я слуга, а не господин... Какая почеть! Я приставлен к дому Господню, на всякое иго; я слуга этого дома, слуга мудрых и разумных. От вас всех, братья и дети мои возлюбленные, я жду одной лишь благодарности – чтобы вы подняли к Господу руки, чистые от всякого раздора и неприязни, с верой вознесли бы ему молитву, дабы он дал мне благодать достойно исполнить обязанности апостольские, возложенные на слабые рамена мои, во славу имени Его, на спасение души моей, для счастья вселенской Церкви и торжества всего христианства»[1].

Будущая политика Иннокентия III полностью высказалась в этих словах, исполненных тщеславия и, вместе с тем, сознания собственной силы. Между ним и альбигойцами должна была начаться борьба не на жизнь, а на смерть. Ни та, ни другая сторона не могла уступить. В этой кровавой драме обе стороны были поставлены в критическое положение. И та и другая заслуживает сочувствия. Враги и их литературные защитники осыпали Иннокентия проклятиями, а он воодушевлялся мыслью, что ведет борьбу во имя исторического прогресса, соединяя с представлением о нем католицизм. Он стремился увенчать и завершить здание католицизма, а лангедокские и итальянские противники уже думали о его разрушении. Поставленный в такое положение, Иннокентий должен был бороться против свободной мысли, руководившей ересью, и переносить за это порицания потомства. Но закон истории свидетельствует в его пользу. Мы неспроста в начале труда посвятили столько страниц личности Иннокентия, его характеру, его политической, общественной и частной деятельности, чтобы те события, до которых дошли мы

теперь, не представили бы его только с одной стороны, может быть, единственно омрачающей его исторический образ.

Самым первым распоряжением Иннокентия после выбора в первосвященники, как знаем, было нравственное увещание королю французскому о соблюдении общественного приличия, а предметом более важных помыслов и мер не могли не быть еретики Лангедока, восставшие не против каких-либо нравственных начал, но против всей системы папства, против всего католичества, даже против догматики христианства. Их почтенная частная жизнь, их собственные нравственные устои уходили в тень перед значением проповедуемого ими учения. Иннокентий застал более тысячи городов, объятых различного толка ересями (лишь с частью из которых мы ознакомились).

Он застал аристократию Юга и Ломбардии почти открыто отложившейся от католичества. Он видел симпатии к ереси даже в собственных владениях, отступничество в духовенстве между аббатами и священниками[2].

Но основная черта его характера, чуждого насилию, не могла не проявиться в той борьбе, которая предстояла ему. Он думал, что она будет окончена лишь силой слова.

«Когда врачи узнают содержание болезни, – говорил он, – тогда лишь начинают ее исцеление. И мы думаем, что союз еретиков разрушится после солидного и приличествующего увещания, ибо Господь сказал: не хочу смерти грешника, но да обратится он и живет. Только проповедью истины подрываются основы заблуждения»[3]. Он говорил: «Пусть только священники дружно возвещают истину на серебряных трубах; стены Иерихона, проклятые Богом, сами падут при их приближении».

Он верил, что слова увещания и проповеди глубже проникают, чем меч, всегда надежный, но всегда и обоюдоострый. Он полагал действовать так даже тогда, когда в итальянских городах альбигойское учение возвещалось открыто, когда богомильские архиереи имели резиденцию в Виченце, Сорано, Коризе, Брешии, Мантуе, Милане, когда семнадцать разных сект обладали столицей Ломбардии, когда еретики наполняли Флоренцию, Феррару, Прато, Орвието (откуда они хотели выгнать всех католиков), Комо, Кремону, Верону, Парму, Плаценцию, Фаенцу, Римини, даже Витербо, и имели смелость учить в самом Риме. С увещаний начал он сношения с альбигойским вероучением Лангедока, присоединяя к ним в то же время угрозы использовать светскую силу, если бы слово снова не привело к цели. Интересно проследить по папским актам, как постепенно развивалась эта политика и как дело дошло до той бойни, которой ознаменовалась альбигойская война.

В январе Иннокентий вступил на престол и первого апреля подписал первую грамоту по вопросу о еретиках на имя архиепископа д'Э.

«Среди множества бурь, – писал в ней Иннокентий, – которые носят корабль Петров по бурному морю, ничто так глубоко не печалит наше сердце, как вид жертв порчи дьявольской, которая враждует с истинным учением, совращая простодушных, увлекая на путь гибели, пытаясь ослабить единую Церковь католическую. Насколько мы знаем из твоих донесений и слов многих других, чума этого рода особенно распространена в Гаскони и соседних землях. Мы надеемся, что, ревностью твоей и прочих епископов, будет остановлено распространение этой болезни, которая постепенно развивается в виде язвы, тем более опасной, что гибнет много сил и помрачаются умы верных. И потому просим твое братство этим посланием принять меры к искоренению всяких ересей и к изгнанию из пределов твоей епархии тех, кто уже заражен ею. Ты примешь меры против них и против тех, кто был вовлечен с ними в явные и тайные сношения: все те меры, которые будут в рамках духовно-церковной власти. В случае же, если ересь будет препятствовать тебе, ты можешь прибегать к строгим мерам, и даже, но только если того потребует необходимость, можешь обращаться при посредстве государей и народа к силе светского меча»[4].

На первых порах Иннокентий хотел показать доверие к южным феодалам, в том числе и самому могущественному из них, Раймонду VI Тулузскому, этому защитнику ереси. Через легата Райнера он известил его письмом от 22 апреля, что снимает с него отлучение.

«Будучи присоединен к Церкви, от которой тебя отделяло множество грехов, ты должен теперь смыть прошедшие преступления соответственным покаянием», – писал он графу Тулузы в ноябре того же года. Как искупительное средство Иннокентий предлагал Раймонду Крестовый поход в Палестину, предлагая идти по следам предков, погибших за Господа. Если бы он сам не мог поднять креста, то папа предлагал ему вооружить известное число вассалов и ратников и направить их за море, «дабы через других совершить то, что не по силам предпринять самому»[5].

Крестовый поход на мусульман занимал все помыслы Иннокентия. Всецело поглощенный им, он как будто забывал иногда, что Церкви надо самой обороняться, обороняться в собственных пределах, а не думать о торжестве над неверными. Те епархии, против неверия которых Церковь скоро должна была поднять меч, призываются пока к священной войне за католическую веру. С такой целью были разосланы циркуляры (15 августа 1198 г.) к архиепископу Нарбонскому, епископам, аббатам, приорам, всем церковным прелатам, а также графам, баронам и всем людям Нарбонской провинции.

Легаты и Раймонд VI

Иннокентий сильно надеялся на успех мер, принятых им. Два цистерцианских монаха, Райнер и Гвидон, уже прежде вели проповедь в Лангедоке. Надо сказать, что члены этого братства в большинстве случаев в точности следовали преданию основателей орденов, в отличие от остальных монахов. Те же люди, которые действовали среди еретиков, своими жизнью и характером во многом напоминали суровые аскетические типы первых католических миссионеров христианства. К этим чертам они добавляли фанатизм позднейших францисканцев. По отзыву Иннокентия, Райнер был муж испытанной честности, могучий божественными делами, а Гвидон – богобоязненностью и ревностью к добродетели. Во всяком случае, неограниченное рвение того и другого не подлежит сомнению.

Исполнители планов Иннокентия всегда были людьми террора, деятелями беспощадными, и в этом выборе людей заключается весь внутренний разлад личности Иннокентия. Неумолимо деятельный, исполненный безграничных планов, папа находил лиц, столь же энергичных, непреклонных, но не всегда свободных от тщеславия, эгоизма и корыстолюбия. Подобно многим великим людям, он мало смотрел на нравственный характер исполнителей. Он набрасывал общий план, а им предоставлял исполнение, не анализируя тех средств, к которым они могли прибегать и действительно прибегали.

Между тем люди, подобные Райнеру и Гвидону, были облечены огромной властью, неограниченным правом интердикта над людьми и землей. Архиепископу Нарбонскому циркуляром от 13 апреля 1198 г. предписывалось оказывать им во всем содействие, все их распоряжения заранее одобрять. Все, что они не постановят против вальденсов, катаров, патаренов и других еретиков, их последователей и защитников, местные духовные власти должны смиренно подтверждать. Светские же власти – графы, бароны и вельможи – должны содействовать проповедникам, а именно конфисковывать имущества отлученных, изгонять их, сперва приказом, а потом, если еретики будут презирать отлучение Райнера, то и силой оружия, «помощью светского меча»[6].

О том же были посланы циркуляры архиепископам д'Э, Вьеннскому, Арелатскому, Таррагонскому, Лионскому и их епископам, и также всем князьям, графам и баронам южных областей.

Только притворным спокойствием папы, его верой в несокрушимую крепость Церкви, можно объяснить предложение баронам Тулузским гостеприимно принимать легатов-цистерцианцев. Не прошло и месяца проповеднической и административной деятельности Райнера, успевшего произнести несколько интердиктов и удалить многих духовных лиц с их мест, как папа отправил его в Испанию по тем же церковным делам, и обязанности его всецело поручил Гвидону, послав о том (13 мая 1198 г.) циркулярное извещение по всем южным епархиям.

Через год Райнер вернулся; его полномочия на вторичное легатство были подтверждены 12 июля 1199 года, и в то же время всему местному духовенству предписывалось удвоить наблюдение за еретиками[7].

Прошло полтора года опыта. Мирные распоряжения не приводили ни к чему; усердие бернардинских фанатиков в Лангедоке, оскорблявшие тамошнюю традицию свободы только возбуждали ненависть в народе, безразлично – в католиках ли, или еретиках.

Ересь по-прежнему стучалась в ворота Рима. Первосвященник римский не решился приехать в Витербо – город наполнен еретиками.

Влияние еретиков усиливалось, можно сказать, на глазах у папы, в его вотчине, и было способно привести Иннокентия в негодование. Однако и тут он только повышает тон; дух относительной умеренности и теперь не покидает его.

В послании к жителям Витербо от 25 марта 1199 года он, под угрозой проклятия, запрещал им повиноваться еретическим сановникам. Как ленный государь, он освобождает их от клятвы и лишает должностей тех консулов, которые позволяли себе заседать рядом с еретиками. Патаренов он повелевает выгнать в течение пятнадцати дней, и лишь на случай послушания грозит им войной и гневом, который покажет им всю силу апостольского меча[8].

Все эти угрозы, как оказалось впоследствии, не оказали должного впечатления; всякое отлучение было бессильно; прекращение церковного католического богослужения только радовало большинство. Лишь одно личное прибытие папы могло поправить католическое дело, побудив еретиков удалиться из города.

Сцены в Витербо поэтому демонстрируют неизбежность той политики, принять которую Иннокентий мог только в силу исключительности обстоятельств.

Ни о каком участии Юга в католических интересах нельзя было и думать. Одна партия никак не могла понять другой. У каждой были противоположные пути, сойтись на которых было невозможно. Каждая имела своих борцов, героев и вождей. Чем был для католичества Иннокентий III, тем для альбигойства в некотором отношении служил Раймонд VI. Мог ли он думать об уступках и смирении, даже если бы при его дворе верили слухам о Крестовом походе? На него были обращены надежды последователей нового вероучения. Он не скрывал своего покровительства ереси. В церковь он водил своего шута, который подпевал священнику, кривлялся, гримасничал и, стоя спиной к алтарю, благословлял народ. Граф во всеуслышание говорил, что цистерцианские монахи не могут оставить свою роскошь, что он сам хотел бы походить на альбигойских проповедников и мучеников. Цистерцианский аббат жаловался ему на еретика Гуго Фабри, который хвастался тем, что осквернил католический храм в Тулузе и, между прочим, рассказывал, что в священнике, совершающем таинства, присутствует демон. Граф в ответ на это сказал, что за подобные пустяки он не накажет и последнего гражданина в своем государстве. Все знали, что в его свите были проповедники, утешенные и диаконы альбигойские. Раймонда часто видели на торжественных собраниях еретиков. Иногда эти собрания устраивались в его собственном дворце. Он преклонял колена, выслушивая молитвы утешенных или принимая их благословение. Его желанием было умереть на руках «добрых людей».

«Ради них, – говорил он, – я готов лишиться не только всего государства, но и самой жизни».

Все знали, что своего сына он хотел отдать на воспитание альбигойским архиереям. Он презирал католические уставы, хотя не особенно следовал и альбигойским. Он по примеру своего отца поменял пять жен, три из них пережили его. Раймонд мало стеснялся католическими приличиями, хотя официально держал капеллана. Раз, играя с ним в шахматы, в ответ на его замечание, он сказал: «Бог Моисеев, которому ты веруешь, тебе не поможет, а меня истинный Бог не оставит». Он прямо высказывал свои убеждения, мало стесняясь окружающих. «Сразу видно, что дьявол создал мир, ничего в нем не делается по-нашему», – говаривал он, когда бывал в раздраженном состоянии духа[9].

Между тем, по своему характеру, это был типичный средневековый рыцарь; трубадуры воспевали его в песнях; он сам не забывал дам в своих сонетах. В войне он отличался блеском, пышностью и храбростью. Но, неукротимый на поле битвы, он терялся среди кабинетных рассуждений. Он не был создан для дипломатической деятельности, для государственных дум. Его двойственный характер сложился под воздействием тех условий, в какие его поставило альбигойство. Он веровал в ересь, но, опасаясь католической церкви, не смел высказаться. Такого же поведения он заставлял держаться и своих вассалов, еще более ревностных поклонников ереси, таких, как виконты Раймонда-Роже Безьерский, Гастон VI Беарнский и графы Раймонд-Роже де Фуа, Жеральд IV Арманьяк и Бернард IV Коммингский. Своей нерешительностью тулузский граф парализовал их и все дело альбигойцев.

Натура неравномерно одаренная, Раймонд, захваченный новыми обстоятельствами, бесплодно растратил свои силы и под конец жизни с болью в сердце, обесчещенный, сдался курии, которую так ненавидел. У него не доставало ясности политики, потому что не доставало твердости воли; это был его неисправимый порок. Он в одно время казался и способным и сильным, смелым, и робким, когда надо было действовать. Он старался постепенно раздражить Иннокентия. Однако лишь до самой решительной минуты, когда у него непременно опускались руки – не от недостатка смелости, но оттого, что он не понимал смысла борьбы и клонился к переговорам. Он, вместо четкой определенности поведения, кокетничал со своим врагом, с могущественнейшим человеком тогдашней Европы, с этим царем над царями.

А Иннокентий продолжал приписывать весь неуспех дела выбору легатов. К 1200 году кардинал Сан-Поль был послан сменить бернардинцев. Для образца ему указали в Риме инструкцию по делам в Витербо. Конечно, это ни на йоту не изменило положения дел. К тому же новый епископ в Тулузе, Раймонд де Рабастен, избранный одной из городских партий и находившийся под покровительством графов, стал новым поводом для опасений. Находятся двое искусных к легатству людей – опять цистерцианцы, Петр де Кастельно и Рауль. Они, казалось, не должны были обмануть надежд курии – и их послали в Лангедок.

Они были простыми монахами в аббатстве Фонфруа в пределах Нарбонской епархии. Оба они родились на Юге. Первый славился энергией характера и подвигами, второй имел степень доктора. Непреклонный фанатик, Петр искал мученического венца. Рауль был более рассудителен, спокоен, враг крайностей. В конце 1203 года оба они начали исполнять свои обязанности в Тулузе.

Легаты решили воздействовать на демократический дух народа, ибо папа, в определенном смысле, являлся покровителем и защитником республиканских начал в Европе. 13 декабря были созваны члены капитула и именитые жители столицы. Они принуждены были дать клятву блюсти католичество; а легаты, именем папы, обещали защищать свободу и привилегии города. Те, кто впредь будет давать такую клятву, всегда найдут покровительство и защиту в Риме; тем же, кто стал бы сопротивляться ей, заранее объявлялось об отлучении. При этом присутствовали бальи и вигуэры тулузского графа, все местное духовенство и 20 консулов[10]. Последние приложили свою подпись к акту без всякой охоты.

Впрочем, пока уничтожить еретиков было очень трудно, даже невозможно; в это время их духовенство было влиятельнее католического. Оно отличалось не менее стройной организацией, чем латинское. Четыре епископа сидели в Тулузе, Альби, Каркассоне и Ажене. То были: Жоселин, Сикард, Селлерье, имевший резиденцию в замке Ломбере, и Бернارد де Симорр в Каркассоне. У Жоселина Тулузского «старшим сыном» был Жильбер, проповедник, заведовавший собраниями в замке Фанжо. «Младшие сыновья» и диаконы, рассеянные на всех пунктах, поддерживали постоянную связь с народом.

Множество проповедников с даром убеждения, вроде Тетрика (Теодорика), Аймерика, Годфрида вели блистательную пропаганду, противодействуя искусству и усилиям легатов. Вдобавок последние поссорились с местной духовной администрацией. Петр де Кастельно доносил в Рим на архиепископа Нарбонского, что он и его епископы ничего не делают против ереси, что они предаются симонии, продают должности, наконец мешают деятельности самих легатов[11].

Между тем архиепископ Нарбонский, в свою очередь, жаловался на легатов; говорил, что они стесняют его, вмешиваются не в свое дело; что, не ограничиваясь увещанием еретиков, входят в круг епископских обязанностей, позволяя себе наказывать лиц, принадлежащих к Церкви и подотчетных исключительно ему.

Поняв, что эти раздоры не принесут ничего, кроме вреда католическому делу, Иннокентий в мае 1204 года решил назначить третье лицо, с тем же званием легата, но с полномочи-

ями еще более обширными. Его выбор пал на Арнольда, настоятеля главного цистерцианского монастыря, прозванного потому аббатом аббатов.

Арнольд имел огромную славу в церковном мире как ученый и искусный проповедник, перед словом которого не мог устоять самый закоренелый еретик. Сцена предстоящих подвигов была хорошо ему известна. Арнольд был родом из Нарбонны. Говорили, что он происходил из герцогского рода. Долгое время он был аббатом в Тулузе. Католики считали его своей лучшей опорой; альбигойцы видели в нем весьма опасного соперника. Он не был так страшно фанатичен, как Петр; но поэтому-то он был опаснее его. Он умел властвовать над сердцами силой слова, то громового и сурового, то легкого и лукавого. Его действиями руководили расчет и хитрость; в его глазах любые средства пригодились ради великой цели. На арену действий он принес с собой честолюбие, опытность и несомненный политический гений. Но все это омрачалось страстью к обогащению. Тщеславный аббат, подобно многим даровитым современникам своего сословия, не мог устоять перед мирскими соблазнами. Он поддавался подкупу ради блеска, наслаждений жизни, которую любил и возвыситься в которой поставил себе целью. Но его католический фанатизм не позволил ему, цистерцианцу, сделок с альбигойцами.

Указом Иннокентия все три легата должны были действовать вместе. Папа тогда же просил короля французского Филиппа Августа, а также его сына Людовика подняться против феодалов Лангедока и оказать посильное содействие легатам в искоренении ереси. «Во имя власти, которую вы получили с неба, побуждайте графов и баронов конфисковывать имущество еретиков и употреблять общие усилия против тех, кто откажется изгнать их из своих земель».

Вместе с тем, желая показать свое доверие Петру и Раулю, Иннокентий велел легатам сменить Беренгария, архиепископа Нарбонского, на которого они жаловались, дозволив им самим выбрать другого, если капитул вдруг окажет сопротивление. Петр де Кастельно приказал Беренгарию оставить Нарбонну. «Как последнего клирика, вы, отцы Петр и Рауль, без совещаний с аббатом Сито, гоните меня из собственного диоцеза, под страхом отлучения и лишения бенефиции», – так жалуется гонимый архиепископ, сообщая о самоуправстве легатов на имя папы[12].

Но за Беренгарием было преступление – он дал возможность сосредоточиться ереси в своем диоцезе, ибо Тулуза и Альба всегда принадлежали его ведомству; а здесь, благодаря его нерадению, во всей архиепископии почти не существовало искренних католиков. Очевидно, что он был не на своем месте.

Суровый Петр между тем просил папу или вернуть его в монастырь, если он виновник прежних раздоров, или же оказать ему свою поддержку. Иннокентий подтвердил его распоряжение, а Беренгарию повелел повиноваться. Вместе с тем папа вновь побуждает Филиппа Французского и его сына прибыть на Юг и исполнить «его волю над баронами», сочувствующими ереси, то есть побудить их к изгнанию альбигойцев или лишить их владений.

Между тем легаты успели вооружить против себя уже не одних альбигойцев: с ними столь же решительно боролся местный католический элемент в лице своего духовенства. Отлучив архиепископа Нарбонского, легаты вслед за ним за такое же нерадение к церковному делу отлучили епископов Безьерского и Тулузского. Отлучаемые сильно сопротивлялись и вооружили против легатов свои города. Напрасно духовенству и властям запрещались повиноваться епископам. Для муниципалитета это был предлог усилить торжество ереси, которая не смела составлять так явно, как именем закона и папы это делала епископская партия. Ясно, что куда бы легаты ни повернулись, везде они встречали нерешительность, слабость, неуверенность, если не глухое противодействие и подземную борьбу. Эти чувства Петр де Кастельно высказал в откровенном письме к папе.

«Святой отец! – взывал де Кастельно к Иннокентию. – Никакие легатства не в силах более остановить зло; церковные сосуды и священные книги встречают в Провансе ужасное кощунство над собой. Еретики публично крестят на манихейский лад; они не стесняются про-

поведовать свои преступные заблуждения. Раймонд де Рабастен, епископ Тулузский, преемник благочестивого Фулькранда, – человек жадный и беспокойный, которому никогда не ужиться со своими прихожанами. Уже три года он, помазанник Господа, продолжает войну с каким-то дворянином, своим вассалом, вместо того чтобы обратить оружие против еретиков, усиления которых вовсе не замечает. Мало этого; он обесчестил себя, торгуя церковными предметами. Архиепископ Нарбонский и епископ Безьерский, уstraшенные возрастающим волнением в своих епархиях, или забывают о своей пастве, или отказываются от всяких карательных мер по отношению к еретикам. Если говорить правду, то надо сознаться, что раздоры между духовенством здесь стали столь вопиющими, что нельзя смотреть на этих недостойных пастырей иначе как на воинов, случайно забредших в овчарню Иисуса Христа. Феодалы тулузские и безьерские отказали нам в своем содействии. Все они – явные или тайные сторонники и покровители еретиков. Только угрозы французского короля могут побудить их исполнить свой долг...»

Неизвестно, чем бы кончилась эта вражда легатов с местными духовными и гражданскими властями, если бы не умерли оба епископа, Тулузский и Безьерский, уже собиравшиеся лично ехать в Рим, для оправдания. Того же желал Беренгарий Нарбонский. Папа дал свое согласие выслушать его впоследствии; если же он «по болезни, по старости или другой уважительной причине, не мог бы прибыть в Рим, то обещался расследовать дело через особых посредников, понимающих и надежных». Своего арагонского аббатства Беренгарий был лишен навсегда, а архиепископство осталось за ним, «дабы дать ему время покаяться в преступлениях, которые он совершил»[13].

Епископ Вивьерский не был так счастлив. Легаты низложили его, ссылаясь на то же нерадение, и тем обеспечили себя от новых опасностей.

Новым епископом Тулузским легаты утвердили Фулько, известного трубадура, друга и поклонника графа Раймонда, человека пылкого характера, родом марсельского негоцианта, некогда блистательного красавца, автора девятнадцати песен, преимущественно посвященных графине Монпелье, «этой царице всякой доблести, вежливости и ума». После смерти ее и своих друзей, Ричарда Английского и Раймонда V Тулузского, он пошел в цистерцианцы; его жена последовала примеру мужа. Счастье вывело Фулько из тесных стен аббатства Тороне на широкую арену деятельности в сане Тулузского епископа. Обряд посвящения Фулько должен был совершать епископ Арля. Местные жители ожидали, что новый епископ поладит с графом, хотя последний и сочувствовал Раймонду де Рабастену, его предшественнику, – но вышло совершенно противное. Вряд ли в ком, после папы и легатов, альбигойцы приобрели себе врага более опасного, как в лице этого некогда веселого трубадура.

Католики надеялись, что красноречивый Фулько будет привлекать в церковь своими проповедями так же, как привлекал некогда рыцарей своими песнями. Но лишь только бывший трубадур переменял тон и вместо нежных стансов любви стал цитировать псалмы, среди тулузцев его популярность пала. Храмы по-прежнему оставались пусты. Арнольд был в отсутствии. У легатов и его товарищей опустились руки. Петр и Рауль хотели уже отказаться от возложенного на них дела и удалиться в монастырь. Но тут их выручило неожиданное обстоятельство.

В это самое время случилось проезжать через Тулузу епископу кастильского города Озмы, дону Диего. Его, в сопровождении нескольких монахов, послал король Леона Альфонс VIII в Скандинавию сватать невесту инфанту Фердинанду. Один из спутников епископа, его любимец, кафедральный приор, по имени Доминик, еще во время первым проезда через Тулузу успел заставить говорить о себе. Сказывали, что он в одну ночь успел обратить законелого еретика, у которого им пришлось остановиться. Теперь путешественники возвращались из домой. Дон Диего, увидавшись с легатами в Монпелье, с первого слова стал говорить об еретиках, которые, после Византийского похода, тогда всецело занимали Церковь.

– Увы! – говорил Рауль, весь в слезах. – Здесь мы совершенно бесполезны. Наше пребывание только унижает достоинство святейшего отца и величие Церкви. Время нам удалиться на гору для молитвы с Моисеем, так как биться с врагами в рядах Иосии мы больше не можем.

– Братья, – отвечал дон Диего, – помните, что врач только тогда и напрягает все усилия, когда велика опасность для больного. Чтобы восстановить сокрушенную веру, надо, мне кажется, употребить те самые средства, которые содействовали ее торжеству.

– Какие же?

– Вспомните, как проповедовали апостолы. Они питались милостыней, ходили пешие, блистали не царским блеском, а добродетелями, были сильны силой возвещения истины. Нам следует подражать их святому примеру.

Легаты почувствовали намек на характер своих действий, на свою гордость, пышность, честолюбие. На этот раз в их внутренней борьбе одержал победу их католический энтузиазм.

Кастельно молчал. Рауль продолжал говорить.

– О, Боже! Чего бы мы не сделали для славы имени Твоего, для торжества Твоего дела. Но кто же направит нас по этому новому пути, по евангельской стезе? Ведите нас, епископ, помогите нам сокрушить еретиков.

– Мне ли, грешному, указывать путь спасения другим! Нет, я никогда не буду вашим вождем; но во мне вы найдете брата и помощника. Вместе мы станем трудиться, дабы изгнать демона, который овладел этой несчастной страной[14].

И, следуя своему обещанию, епископ тотчас же распустил свою свиту, слуг, отослал экипажи. Показывая пример легатам, подобно нищему, он остался без всяких средств к существованию, обрекая себя на милостыню. При нем остался тот самый Доминик, которому когда-то удалось здесь совершить чудо и о котором ходила молва как о святом.

Этому человеку суждено было играть немаловажную роль в будущем прозелитизме католичества, а системе его, косвенным путем, – в искоренении альбигойства.

Жизнь святого Доминика (1170–1221 г.), как и не менее знаменитого современника его, св. Франциска, не лишена налета легендарности. Он происходил из богатого кастильского дома д'Аца, из местечка Каларнога, недалеко от Озьмы. С шести лет он был определен к духовной должности. Он пошел в Налепсию, в тамошнее высшее училище, послужившее родоначальником Саламанкского университета. Здесь он выказал большие способности и, вместе с тем, склонность к созерцательной жизни. Вернувшись домой, во время голода он раздал все, что имел, и тем подал пример другим. Епископ, отдавая ему должное, сделал Доминика каноником и записал в августинское братство, только что открывавшееся; в монастыре вскоре его избрали приором[15]. Обладая энергией и красноречием, он видел свое призвание в проповеди и нашел свое поприще в Лангедоке. Он стал руководителем того дона Диего, который позже стал руководить другими.

Самоотречение епископа, провозглашенное в беседе с легатами, подготавливалось и совершалось под влиянием Доминика. Босой, истекая кровью от острых камней, Диего иногда терял энергию, тоскуя о привольных палатах своего аббатства. «Смелее, веселее, – тогда раздавался голос его спутника. – Бог обещает нам победу; кровь наша льется за грехи наши». В Монреале проповедники, с трудом добывавшие себе дневное пропитание, встретились с аббатом Арнольдом, который привел с собой 12 других аббатов, ходивших за ним «наподобие апостолов». Здесь повторилась монпельерская сцена с той разницей, что убеждал на этот раз не епископ, а Доминик.

«Вы путешествуете с целыми обозами мулов, полными нарядов и всяких яств – с чего бы еретики стали верить вашим поучениям! Они и без того ищут предлоги для обличения разврата наших духовных лиц, а особенно монахов. “Посмотрите, – скажут они, – как эти пышные люди поучают о Спасителе, который ходил босым; послушайте, как эти богачи презирают бедных”. Если вы хотите что-нибудь сделать, то прежде всего бросьте ваш суетный блеск, ступайте

босыми, поучайте собственным примером». Арнольд вполне сочувствовал тому. Он разослал своих апостолов по всей стране, предписав им искать диспутов с еретиками.

Рвение же Доминика росло постоянно. Среди католиков не переставали говорить о его чудесах. После одного богословского диспута он изложил свои доводы на бумагу и вручил ее еретикам. Те на первом же своем собрании решили ее сжечь. Трижды бросали ее в огонь, но бумага не занималась пламенем. Один солдат, пораженный этим, якобы поспешил обратиться в католичество. Но не только подобными чудесами достигал усмеха Доминик. Когда ему приходилось сталкиваться с неминуемой опасностью во время споров с ожесточившимися альбигойцами, он поражал их тем же хладнокровием, каким они привыкли поражать католиков. Вообще Доминику его поприще казалось недостаточно обширным: он говорил, что пойдет искать мученического венца за неведомым морем[16].

При перемене целей и способов борьбы и при таком новом деятеле, каким был Доминик, удаление Диего не могло повредить успеху католиков. На обратном пути в Испанию, в Памьере, Диего встретился с вальденсами, с которыми имел большой диспут, в присутствии епископов Тулузского и Каркассонского. Свидетелем его стал сын графа де Фуа, Раймонд-Роже, один из могущественных покровителей альбигойцев; жена его и сестра были рьяными последовательницами Вальдо. Граф отвел для состязания свой дворец. Католическая летопись говорит, что Диего остался побежденным, но граф, посредник при диспуте, как ни расположен был к еретикам, принужден был обличить их и приговорить к светскому наказанию[17].

Диего не суждено было увидеть родину; он умер через несколько дней. Новым проповедником стал французский аббат Гюи, дядя историка альбигойских походов. Перемена системы проповедей смогла несколько поднять упавшее католичество, хотя и не надолго.

Среди непрестанной борьбы в голове Доминика зародились новые замыслы. Он давно понял, что духовный способ воздействия на ересь скорее всего приведет к цели. Братство, состав и характер которого он уже представил, могло, по его мнению, реализовать цели Иннокентия I. Назидание и христианское воспитание согласовывались с помыслами папы. Но доминиканцам не суждено было соблюсти свою миссию в чистоте. Прежде чем просить разрешения Рима на утверждение общины с ее широкими задачами, Доминик захотел испытать его на деле. Недалеко от Монреала, в земле тулузского епископа, он основал монастырь de Prouille, где поместил для обучения 11 девиц известных фамилий; девять из них прежде были в альбигойской вере. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось отгонять скуку работой. Потом там же появляются и мужские школы, весь настрой которых был на проповедь. Открылось и общество бедных католиков; основателем его был испанец Дюран де Гуэска, душой же – Доминик.

Постепенно монастыри этого братства появились в разных местностях. В них учились между прочим и полемике, искусству обращения еретиков; братья и ученики их жили милостыней, ходили в белых или серых рясах.

Иннокентий был в восторге от них; он принял монастыри под свое верховное покровительство. Из этих монастырей и вырос впоследствии доминиканский орден. Развивать риторические таланты было необходимо тем более, что на больших диспутах с еретиками католики нередко оставались побежденными. Так, незадолго до этого времени, произошло знаменитое состязание с вальденсами в Монреале, где сошлись талантливые борцы той и другой стороны. Тут были все легаты, Гюи де Во-Серне, сам Доминик и столпы ереси: Арнольд, Оттон, Жильбер Кастрский, Бенуа де Терм, Павел Иордан. Толпами любопытных, помпой и блеском диспут напоминал Ломбер, но разница была та, что здесь посредники были лицами, не питавшими к ереси отвращения. В нем заседали бароны и князья. Увлечение спорящих было до того сильно, что они не могли закончить спора в продолжении 15 дней[18]. Было решено продолжить его путем богословско-литературной полемики.

Таково было направление римской политики на Юге, когда случились события, потрясшие всю Европу и послужившие непосредственным толчком альбигойских войн.

Петру де Кастельно однажды удалось встретиться с графом Раймондом VI. В последнее время Раймонда, поглощенного феодальными войнами в Провансе, увидеть было трудно.

Между тем Петр искал его давно, ибо о сути происходящего следовало объясниться открыто. Между ними произошел следующий разговор, воспроизведенный позднейшим историком из летописных данных.

– Граф, вам пора наконец объявить, кто вы, друг или враг наш, – начал легат. – Если вы – покровитель ереси, то присоединяйтесь явно к еретическим баронам; если же вы не расположены к ней, то разите ересь в сердце, ибо иначе она, как язва, пожрет все ваши домены.

– Я так бы и сделал, господин легат, если бы некоторые провансальцы не причинили мне тяжкого зла, думая отложиться от своего законного сюзерена.

– Но они предлагали вам мир.

– Знаю; но на каких же условиях?

– Вам, конечно, герольды передавали их.

– Да, хороши условия! По-нашему, господин легат, такой мир во сто крат хуже войны. Они хотят мне связать руки и ноги и заставить ходить на их помочах. Клянусь Сен-Жилем! Нет, я достаточно хитер, чтобы не попасться на зубы волку, которого сам же затравливаю. Дайте нам кончить эту войну; тогда, в качестве феодального сеньора, я сделаю для Церкви все, что могу.

– Если так, то сейчас же удалите из вашей армии осужденных еретиков, которые заражают остальных воинов.

– Никогда, государь легат, никогда. Вальденец ли, католик ли – все одинаково храбрые служаки в день битвы.

– А! Теперь я вижу, вы прямой защитник ереси.

– Ничуть. Я терплю ее, и только.

– Вздор! Тот, кто не за нас, – тот против нас! Читайте, – воскликнул, теряя самообладание легат и, положив сверток, запечатанный папской печатью, вышел из комнаты[19].

Раймонд развернул грамоту и прочел следующее.

«Благородному мужу Раймонду, графу Тулузскому, дух мудрого совета! Если бы мы могли раскрыть твое сердце, то нашли бы в нем и увидели гнусные мерзости, совершенные тобой. Но так как сердце твое крепче камня, то можно еще пробить его словом благодати, но невозможно проникнуть в него. О! какая гордыня овладела твоим сердцем, сколь велико твое безумие, язвительный человек; ты не хочешь знать мира с соседями и нарушаешь законы Божеские, желая присоединиться к врагам веры. И кто ты такой, один противящийся миру, чтобы подобно врагу кинуться на труп в то время, когда могущественнейшие государи и сам король арагонский клялись блюсти мир по приказу легатов апостольского престола. Не краснеешь ли ты, нарушив клятву, которую дал, обещая изгнать еретиков из своих владений? Когда, во главе разбойников арагонских, ты свирепствовал по всей Арелатской провинции, епископ Оранский просил тебя пощадить монастыри и хотя бы в праздничные дни воздержаться от опустошения страны, а ты клялся в это самое время, что не будешь уважать ни праздников святых, ни воскресных и что лишишь бенефиций всех тех, кто служит Церкви. Клятву, или лучше клятвопреступление, тобой совершенное, ты держишь гораздо крепче, чем твои клятвы, вынужденные обетованием блаженной кончины. Нечестивый, жестокий, варварский тиран, не ты ли себя покрыл позором покровительство ереси, не ты ли отвечал на эти упреки, что найдешь среди еретиков епископа, вера которого лучше католической? Не тебя ли обвиняют в вероломстве, когда ты, презирая просьбу канделских монахов восстановить истребленные тобой виноградники, тщеславно оберегал имущество еретиков? Легаты по справедливости отлучают тебя и налагают интердикт на твою страну. Поскольку ты предводительствовал шайкой арагонцев, презирал дни поста и праздников, в которые должен бы был заботиться о безопасности и мире,

поскольку ты отказываешься поступать честно с твоими врагами, клятвенно предлагающими тебе мир, поскольку даешь общественные должности жидам, к стыду имени христианского, поскольку опустошаешь монастыри и церкви, храмы обращаешь в укрепления, увеличиваешь налоги, поскольку изгнал нашего почтенного брата, епископа Карпантра из его епархии, – за все это мы подтверждаем их распоряжение и сим повелеваем, чтобы оно было приведено в исполнение, если ты немедленно не дашь нам должного удовлетворения. Но, несмотря на тяжелейшие прегрешения твои, как против Бога и против Церкви вообще, так и против нас в частности, мы, следуя данной нам власти исправлять заблудших, обращаемся к благородству твоему и увещеваем, напоминанием суда Господня, принести скорее покаяние, сообразное твоим преступлениям. Однако, не будучи вправе оставить без наказания столь великие несправедливости против вселенской Церкви и против самого Господа, даем тебе знать, что мы накладываем интердикт на земли, которыми ты владеешь от Римской Церкви. Если же и подобное наказание не заставит тебя вернуться к своему долгу, тогда мы примем меры, чтобы все соседние государи поднялись против тебя, как против врага Христова и гонителя Церкви, и удержали бы за собой те земли, которые захватят, дабы исторгнуть их из твоей власти, потворствующей еретической заразе. И всем этим не истощится гнев Господень над тобой; рука его, доселе над тобой распростертая, раздавит тебя и покажет, что трудно избежать гнева Его, так преступно вызванного. Написано в Риме, у Святого Петра, 26 мая, лето же папствование нашего десятое от Рождества Христова год 1207»[20].

Так, ровно с середины первосвященничества Иннокентия, изменилась его политика. Все паллиативные меры отжили в его глазах свое время: он успел потерять веру в пользу той системы, которую создали Диего и Доминик, не угрозой, а собственным примером и увещанием действовавшими на заблудших. Папа, доселе гуманный, с высоты своего престола грозит оружием. Как объяснить эту резкую перемену?

Дело в том, что Иннокентий наконец понял: компромисс с альбигойцами немислим, на его убеждения они, сильные своим духом, не сдадутся; папа понял, что вскоре католицизму грозит борьба за существование. Если не он, то его преемники должны будут действовать против ереси оружием. Оказавшись перед этой горькой необходимостью, Иннокентий III осознал свою миссию. Трагичность истории поставила его в положение, противное принципам его характера, но совершенно соответствовавшее чертам той мировой теократической системы, которую он хотел создать.

Внезапной переменой его убеждений объясняется и редакция буллы. Она полна натяжек, и потому доводы убедительные в ней чередуются с ничтожными; в ней заметно желание придаться, по возможности мотивировать свое дело, отыскать какие бы то ни было доводы, взять количеством аргументов и характером их подачи. Указав на распоряжение легатов, булла выражается: «Итак, поскольку одновременно с тем и перед этим и т. д.», будто дальнейший перечень нов, будто он не исчерпан самой сущностью прежней формулы, будто не ясно просвечивает желание поразить одним количеством видимо разнообразных преступлений. Виноградники кандельские слишком не важны сравнительно со всей системой оппозиционных действий тулузского графа. Судьба одного епископа была незаметна в сравнении с систематическими гонениями на католическое духовенство в Лангедоке. Частная феодальная тяжба наскоро привязана к религиозному и мировому вопросу. Папа изображает себя защитником политических прав свободного народа цветущей страны, только кое-где терзаемой шайками арагонцев, но, если демократизм Иннокентия не противоречил римской политике, и тем более его личным убеждениям, то здесь он – одно из орудий к страстным нападкам на графа Тулузского.

Но Раймонд VI в душе прекрасно понимал, что он, в глазах Рима, вполне заслуживает и такой буллы и ее угроз. Он знал, что ему давно уже следовало ждать их исполнения, и все-таки теперь, в решительную минуту, когда пришло время расквитаться с папой и католицизмом, у него по-прежнему не было отваги. Разлад, слабость личного характера взяли свое. Он

испугался борьбы, как раз когда надо было обнажить оружие, – и губил тем самого себя, как и всех остальных альбигойцев.

Убийство Петра де Кастельно

Раймонд спешит заключить требуемый мир и принимает условия провансальских католических баронов. С горечью в сердце он приехал в Сен-Жиль, где ждало его все семейство. Там же произошла неожиданная встреча с вечно преследующим его, подобно тени или мрачному духу, Петром де Кастельно. Петр один во всей стране бурно работал на католическую партию. Он, вместе с Арнольдом (Рауль умер вскоре после смерти дона Диего), подтвердил мирный трактат и обязательство графа принять решительные меры против еретиков. Но он вновь не видел их исполнения. Началось крупное объяснение. Теперь легат наступал решительно, со всем самозабвением фанатика. Присутствие многих свидетелей побуждало графа смягчать свои высказывания, а на легата, напротив, действовало возбуждающе. Петр повысил тон до последней возможности, как бы стирая в прах Раймонда и всех его единомышленников, и, наконец, разошелся так, что звуки его голоса проникали в отдаленные части готической залы, заполненной баронами и рыцарями.

– Теперь, граф, я объявляю тебя клятвопреступником; гнев Божий да разразится над тобой. Я отлучаю тебя от Церкви. На всех землях твоих отныне объявлен интердикт. С этого дня ты враг Бога и людей. Подданные твои освобождены от присяги. И, – сказал он, возвысив голос так, что его гул наполнил высокую залу замка, – тот, кто свергнет тебя, поступит справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком!

– Повесить негодяя! – закричал в бешенстве граф, делая движение в сторону легата.

– Именем святого посланничества моего, – произнес Петр с яростным вдохновением, – я запрещаю всякому поднимать руку на помазанника Господня!

Раймонд еще продолжал грозить легату, когда тот вышел из залы. В свите было сильное движение графа, ибо тут большей частью присутствовали люди, явно или тайно исповедовавшие ересь. Проклятия и смелость Петра вызывали в них лишь чувства негодования и мести. Раймонд, со своей стороны, имел неосторожность заметить, что наглец не выйдет живым из его владений. Нашлись немало людей, готовых услужить графу, хотя известно, что аббат Сен-Жильский, консулы и даже многие влиятельные граждане приняли все меры, чтобы утихомирить страсти.

Легату дали спокойно выехать из города. Он торопился перебраться через Рону. Утром на другой день, 15 января 1208 года, он был у переправы и отслужил короткую мессу; с ним оставались несколько монахов. У берега стояла лодка; в ней находились двое людей, по-видимому гребцы.

– Если вы не еретики и не иудеи, – сказал он, садясь в лодку, – то не откажитесь дать убежище проповеднику Святого Евангелия, который бежит с земли гонения.

Он уже занес ногу в лодку, когда один из гребцов поднялся, будто желая пособить ему, и одним ударом кинжала опрокинул Петра. Смертельный удар попал в бок возле сердца. Несколько взмахов весел – и убийцы были в безопасности; лодка скрылась по течению.

Обливаясь кровью, легат на руках своих спутников, твердил, едва шевеля губами: «Да простит их Господь, как я их прощаю», успел передать еще несколько наставлений и тихо скончался со словами молитвы на устах[21].

Мнимые гребцы были из числа тулузских придворных. Граф Раймонд, видимо, являлся соучастником этого преступления. По слухам, он даже наградил убийцу.

С ужасом узнал об этом товарищ Петра, Арнольд; с неменьшим ужасом узнали о страшном убийстве и в Тулузе. Арнольд донес обо всем Иннокентию, и Крестовый поход был предрешен.

Воззвание папы

Негодование папы и римской курии не знало границ. За всю историю католической церкви подобного случая не бывало. Гибель первых апостолов Христовых от руки язычников производила впечатление гораздо более слабое. Только убийство древних римских послов некогда волновало площади Вечного города с той же силой, как теперь – весть о злодействе над легатом. Неприкосновенность легата была делом свято узаконившимся. Ею определялось все могущество, все влияние курии на мир. У папы не было легионов, чтобы охранять своих послов, и доселе в том не виделось надобности.

Провансальским епископам и всему католическому миру возвестилась воля Иннокентия. Через несколько недель в Тулузе читали следующую грамоту:

«Иннокентий, епископ, раб рабов Божиих, нашим возлюбленным детям, благородным мужам, графам, баронам и всем рыцарям, находящимся в провинциях: Нарбонны, Арля, Эмбрюна, Э и Вьенны, а также архиепископам их, передает привет и апостольское благословение.

Мы услышали ужасную весть, которой принуждены были поверить лишь вследствие общей печали, овладевшей всей Церковью. Мы узнали, что брат Петр де Кастельно, блаженной памяти монах и священник, муж добродетельный между всеми людьми, знаменитый своей жизнью, знанием, славой, предназначенный вместе с другими к евангельской проповеди мира и к утверждению веры в Окситанской провинции, – узнали, что этот труженик, достойно исполнявший обязанности, возложенные на него, и не перестававший работать, как вполне постигший в деле Иисусовом то, чему учит оно, умерщвлен».

Описав со всеми подробностями это убийство, булла продолжает:

«Хотя несчастное общество заблудших провансальцев не заслуживает, при всем желании своем, того, чтобы на нем запечатлелось мученичество брата Петра, мы все-таки склонны думать, что он смертью своей хотел искупить души, дабы не погибла вся страна, которая, терзаемая ересью, могла бы только кровью мученика исцелиться от своего заблуждения. Такова была и вечная заслуга Иисуса Христа, такова и чудодейственная тайна Спасителя, который, будучи видимо побежден на земле, в сущности торжествует той благодатью, в силу которой Он, умирая, разрушил смерть, продолжая давать своим слугам торжество над победителями, некогда поражаемыми. Семя пшеницы, упавшее на землю, но не взросшее, остается одиноким, а исчезнувшее дает обильные плоды. И потому, пребывая уверенными, что плод от этого обильного посева должен произрасти в Церкви Христовой... и в то же время не теряя надежды на то, сколь великая потеря будет для Церкви в пролитии крови и сколь великий успех обещал Господь его проповеди в стране, за которую мученик пал, мы сами рачительнейше приказываем нашим почтенным братьям, епископам и их суфраганам известить по их диоцезам, что отныне убийцу слуги Господня, а вместе и тех, кто помогал его ужасному преступлению, делом, словом и помышлением, тем более его укрывателей и защитников, именем Всемогущего Бога, Отца, Сына и Святого Духа, властью блаженных апостолов Петра и Павла и нашей, считать всех таковых отступниками и пораженными анафемой. Отныне церковному интердикту подлежит всякое место, где покажется убийца или какой-либо из его соучастников. Об этом епископы и все духовенство должны объявлять по воскресеньям и по праздникам утром при звоне колоколов и при зажженных факелах, пока отлученный не осознает преступление и не склонится к церкви Римской. Мы приказываем им, епископам, вместе с тем объявить безопасное отпущение грехов именем Бога и его наместника тем, кто одушевлен или ревностью к вере православной, или мстостью за кров праведника, вопиющей от земли к небу, а также и тем, кто мужественно опояшется и вооружится на зачумленных нападающих на веру и истину. Труд, начатый ими, да будет для них искуплением грехов, за которые они должны были принести Господу

сокрушение своего сердца и искреннее покаяние. Мы пребываем уверенными, что зачумленные провансальцы думали не только отнять у нас паству нашу, но и совершенно сокрушить нас самих и что, не удовольствуясь изощрением ругательств на погибель душ христианских, они простирают руки даже на сокрушение телес, будучи таким образом развратителями одних и убийцами других.

Что же касается до вышеупомянутого графа, то, хотя он уже с давних пор поражен ножом анафемы по причине многочисленных и великих преступлений его, о которых рассказывать здесь было бы слишком долго, но, поскольку, на основании достоверных свидетельств, он оказывается виновным в смерти святого человека не одним тем, что грозил публично умертвить его и подготовил засаду, но еще и потому, что убийцу подвижника принял под свое покровительство, наградив его большими дарами, повелеваем архиепископам и епископам торжественно объявить его преданным анафеме. И так как, следуя каноническим постановлениям Святых Отцов, вера не должна быть хранима для того, кто не хранит ее для Бога, то сказанного графа отлучить от общения с верными и, желая скорее удалить от него, чем привязывать к нему, властью апостольской приказываем объявить освобожденными всех тех, кто связаны с этим графом клятвами верности, общности, союза и другими подобными причинами, и предоставляем всякому католику не только преследовать его, но даже занять и держать его земли и домены с соблюдением прав его государя – сюзерена, дабы этими средствами завершить очищение от ереси, силой и умением, земли, которая по сей день была позорно повреждаема и попираема злодейством сказанного графа, ибо не будет несправедливым, если руки всех поднимутся на того, кто сам на всех поднимал свои руки. Если же такое осуждение не заставит его опомниться, то мы будем вынуждены сильнее наказать его. Но если каким бы то ни было способом он будет обещать нам удовлетворение, то следует принудить его в знак раскаяния употребить все усилия к изгнанию последователей еретического нечестия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.